

Тот год для меня был вообще полон всякой чертовщины: доносы, подлоги, предательства... Но всё это – чушь собачья. Самое удивительное, самое невообразимое, что в ночь на 20 мая 1998 года (*а я «сова» по натуре*) чувствовал себя просто великолепно: я читал, что-то делал, бодро маршировал за чаем на кухню...

...А в это время умирал Коля. Как я мог не почувствовать? Как?!

Когда-то мы с ним учились даже в одной школе – в 41-й. Но разница в два года – я старше – дала себя знать. И поэтому познакомились мы, когда ему было уже восемнадцать.

К нам на «Гренаду» (*городское литературное объединение*) пришла группа «Родник» из педагогического института. Это было в начале 1967 года. Тут же, разобравшись, они все вошли в нашу команду.

Так в «Гренаде» появились Валерий Зубарев, Анатолий Балакай, Жанна Брагинская, Геннадий Литовченко... И, конечно же, Николай Николаевский.

Коля был самый молодой из них, да и из нас тоже. Но поражал своей серьёзностью, любовью к делу и безусловной порядочностью.

Вот, написал... Всё это так – да не так.

Всё это, конечно, важно. Но, вероятно, уже тогда чувствовалось, что это человек мыслящий поэтически, сопереживающий, как поэт, и что участь его... предreshена.

Он довольно быстро влился в «основную группу». Да, это были товарищи. По настоящему. Товарищи по литературе, по юности!

Но меня ещё с ним не связывали годы.

Отказавшись от издания первой книжки (*стихи на самом деле были незрелые*), я в 22 года с направлением Союза писателей уезжаю «собрать материал для книги о мужественном и романтическом труде наших рыбаков-дальневосточников»... Эту забываемую бумагу мне выправил и подписал Евгений Сергеевич Буравлёв. Личность легендарная. Организатор и первый руководитель нашей областной писательской организации. Он же и редактор моей первой несостоявшейся рукописи. Светлая ему память! И вечная моя благодарность за внимание к слову, за доброе слово.

Но пора вернуться к Николаю...

А вернулся я только через четыре года. И, «как не оправдавший доверия», – я так сам считаю! – «ушёл в подполье».

О моём возвращении в Новокузнецк знает только Коля... Мы с ним встречаемся... Мальчишество? Но за два года он никому не проболтался.

Что вспоминать? Здесь много и личного. А кому это нужно?..

Но – тридцать с лишним лет бок о бок!

Коля – философичен, добр. Я – азартен, прямолинеен. Но что удивительно... Вспоминаю, вспоминаю... Мы никогда не спорили.

Нас интересовало всё в этой жизни. Мы говорили, говорили... дополняя и убеждая друг друга. Каждое, даже маленькое открытие одного становилось открытием другого.

Мы «принюхивались» к стихам, вместе перепроверяли своё поэтическое чутьё. Вместе работали над его и моей первыми книжками, раскладывая листы по полу, перетасовывая их, придумывая названия.

На фронтисписах первых двух книжек Николая его портреты выполнены в «интерьере» моей халупы. Их сделал наш общий товарищ, известный фотохудожник Николай Бахарев.

Сколько общего у нас было!

В 1974 году я посвятил Николаевскому стихотворение «Всё снега ждёт, всё ждёт зимы...». Коля мне ответил в своей тогдашней газете «Металлургстрой» стихотворением «Перед грозой».

Потом он написал и посвятил мне триптих «Отпечатки». Два стихотворения из него опубликованы в 1983 году в альманахе «Огни Кузбасса».

Где-то в 1993 году Николай посвятил мне, а точнее – прямо адресовал, одно из лучших своих стихотворений «Круг». И назвал так свою третью книгу.

А я всё вкалывал на Запсибе.

С возрастом мне становилось всё труднее... И Коля, с его журналистским кругозором, приносил мне газеты и журналы с интересными статьями, советовал что-то почитать, что-то посмотреть.

Диалог наш продолжался.

Он и сейчас продолжается. Но порой мне кажется, что мои горизонты без Николая сузились до оконной решётки.

«До оконной решётки...». Да, многое изменилось за эти годы. Удивительно: демократия, денег на культуру нет, а показухи ещё больше, чем в советское время. В литературе местами запахло финансами (именно – *местами*)...

Отработав три горячих стажа, плюс морские, плюс армия, я наконец-то вышел на пенсию. И, в силу своего характера, сразу оказался в гуще литературной драки. Точнее, околотелитурной...

Коля же ещё раньше по причине своей доброты и мягкости оказался «не в то время и не в том месте». Переживал это. Но друзья у него оставались те же.

Всё чаще после работы он появлялся у меня со своим новым начальником, редактором газеты «Горняцкая солидарность» Валентиной Захаровной Началовой – умудрённым, душевным человеком. Так было приятно посидеть у круга своих...

Подходили к нам Валерий Червяков, Коля Бахарев, Валерий Толстихин, Саша Раевский, Борис Васёв, Геннадий Арсентьевич Емельянов...

Много хороших (и разных) людей видела моя квартира. И приходили, и приезжали, и прилетали.

В 1995 году в телевизионной передаче Александра Замогильнова «Девять муз» Николай Николаевский говорит буквально следующее:

«Бывает, что-то западёт в душу – и не с ходу, не сразу выльется, а где-то лет через десять.... Всё это всплывёт где-то в ходе работы, и – получается стихотворение. То есть каждое стихотворение – это чудо в своём роде».

Всё это мне как поэту близко и знакомо. Но всё равно хочу, а может быть, и должен повествовать историю написания одного классически выдержанного стихотворения Николая Николаевского.

Стихотворение небольшое, и я не могу сдержаться, чтобы не привести его полностью:

*Над печальной водой
Не играй морской звездой.
Ведь она звезда морская,
Ведь она звезда такая,
Что не светит и не ждёт,
И надежды не даёт.
Отпусти её на волю,
Отпусти её живую.
И к тебе придёт беда,
Но останется звезда.*

Да... А история такая. Когда я вернулся с Дальнего Востока, Коля всё расспрашивал, расспрашивал... И особенно его почему-то интересовали морские звёзды.

Я рассказал, что они не красные, а, скорее всего, морковного цвета, снизу вообще желтовато-серого. Что шершавые. Что, попадаясь промысловым рыбакам в сети, спутывают ячею. А работа есть работа: трал идёт, распутывать некогда. И прихотилось эти звёзды разрывать, растаптывать резиновым сапогом...

Это поразило Николая.

И не через десять, как он говорил в интервью, а почти через двадцать (!) лет Коля прочитал мне своё новое и, по-моему, прекрасное стихотворение:

*...И к тебе придёт беда,
Но останется звезда.*

Трудно мне писать о Николае. Я и сейчас, когда пишу эти строки, останавливаюсь, сижу минутами, не в силах понять, что Коли уже нет, что его не будет. Никогда ещё жизнь так не сиротила меня.

Дней за двенадцать до смерти Коля зачастил ко мне. Он был в отпуске. Естественно (*уже естественно !?*), отпускных не давали. Мне задерживали зарплату...

Попивали жидкий чаёк, разговаривали. Часа по четыре. Каждый день.

Дня через три я ему сказал:

«Коля, если ты надеешься, что я, получив деньги раньше, смогу тебя крепко выручить...» (намекая на долги, на то, что, по возможности, я должен помочь матери и дочери)...

Коля обиделся: «Что, нельзя прийти просто как к другу?»

Мне это запомнилось. Мы почти никогда не обижались друг на друга... Один день его не было. Потом наши посиделки продолжились ещё дня три-четыре.

Что-то его уже особенно мучило. Как я не разглядел!

Он исчез дней на пять. Вышел на работу...

...И эта трагическая командировка в Осинники.

Мы стояли у гроба – Емельянов, Раевский, Ябров, Зубарев. Лицо Николая было спокойным. Была заметна лёгкая, как всегда, чуть саркастическая улыбка. Он улыбался смерти в глаза.

За последние годы он стал абсолютно седым. Абсолютно! В 49 лет.

Седина льдисто искрилась.

Справа по седине ещё тонко сочилась кровь. «Трепанация черепа... Сердце заштопали нитками», – так когда-то писал Лёша Сербин...

Коля устал штопать своё сердце!